

Э. В. Рунг

ФЕНОМЕН МИДИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Мидизм (или иначе «персофильство») представляет собой интересное и в то же время довольно необычное явление. Часто воспринимаемый как деятельность греков в интересах Персии¹, мидизм получил широкое распространение в Греции, особенно в период Греко-персидских войн².

В данной работе предполагается определить то значение мидизма, которое придавали ему современники, и таким образом выйти на понимание всего феномена в целом. В ходе рассмотрения темы планируется осветить следующие вопросы: к какому времени можно относить возникновение мидизма; какое значение греки вкладывали в понятие мидизма в наиболее активный период употребления ими этого термина (ассоциировался ли мидизм изначально с предательством или далеко не всегда мидизм и предательство были явлениями одного порядка; всегда ли мидизм воспринимался только как деятельность греков в интересах Персии или мог быть также связан с принятием греками персидских обычаев); было ли восприятие мидизма греками всегда неизменным, или оно претерпевало определенную эволюцию с течением времени; каковы были особенности употребления терминологии мидизма различными античными авторами по сравнению друг с другом.

Все современные исследования проблематики мидизма могут быть распределены по трем группам: первую составляют несколько работ, так или иначе затрагивающих терминологию³; вторая включает главным образом работы, по-

¹ Это значение «мидизма» лучше всего описывает выражение τὰ Μηδῶν φρονεῖν – «приверженность мидянам» (*Herod.* VIII. 34; *Schol. Thuc.* I. 95. 5; *Suid.*, s.v., μηδίζω; μηδισμός, *Phrynich. Attic.* s.v. μηδίζω; *Ps.-Zonar.*, s.v. μηδισμός), хотя в своей основе субстантивированный глагол φρονεῖν, как и существительное τὸ φρόνημα, означает не деятельность как таковую, а скорее образ мыслей. Поэтому нужно с осторожностью проводить ассоциации мидизма с сотрудничеством или взаимодействием греков с персами. Последние два понятия предполагают равное участие сторон. Если о мидизме и можно говорить как о сотрудничестве, то необходимо добавлять «в интересах Персии»; в английском и французском языках тому есть великолепное соответствие – «collaboration» («коллорабационизм»), но даже этот термин едва ли может быть эквивалентом глаголу φρονεῖν.

² Достаточно сказать, что из всех городов материковой Греции только 31 полис встал на защиту греческой свободы (*ML.* 27; ср. *Plut. Them.* 20. 3; *Paus.* V. 23).

³ *Myres J.L.* Μηδίζειν Μηδισμός // *Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray.* *Oxf.*, 1936. P. 97–105; *Jonkers E.J.* Μηδοί, τὰ Μηδικά, Μηδισμός // *Studia varia Carolo Guiliemo Vollgraff.* Amsterdam, 1948. P. 78–83; *Gugel H.* Medismos // *Der Kleine Pauly. Lexikon der alten Welt.* München, 1979. Bd III. Sp. 1133; *Graf D.* Medism: the Origin and Significance of the Term // *JHS.* 1984. 104. P. 15–30; *Tuplin C.J.* Persians as Medes // *Achaemenid History / Ed. H. Sancisi-Weerdenburg, A.T. Kuhrt, M.C. Root.* Vol. 8. Leiden, 1994. P. 235–256; *idem.* Medism and Its Causes // *Transeuphratène. Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'Empire Achéménide.* Vol. 13. Gabalda, 1997. P. 155–185.

священные политическому значению мидизма в классической Греции, без какого-либо значимого внимания к терминологическому аспекту темы⁴; третья объединяет работы как по мидизму отдельных греческих государств (в дальнейшем мы будем говорить «полисный мидизм»)⁵, так и наиболее влиятельных политических деятелей («индивидуальный мидизм»)⁶.

Одним из первых развернутых определений мидизма дал американский исследователь Д. Граф. Он отмечал, что греки использовали глагол *μηδίζειν* («быть на стороне мидян») или существительное *μηδισμός* («расположенность по отношению к мидьям») с намерением обозначить сотрудничество с Персией (*collaboration*)⁷. Д. Граф обратил внимание, что термин «мидизм» включал в себя социальные и культурные аспекты обвинения в деятельности в интересах Персии, которые подразумевали, что сотрудничавшие с Великим царем отвергали особый образ жизни, характерный для греческого мира в пользу ущербного образа жизни Востока. Это свое заключение исследователь подтверждает, во-первых, ссылкой на употребление античными авторами терминов *ἑλληνίζειν* и *βαρβαρίζειν*, которые «означали говорить или действовать подобно грекам или подобно варварам», а во-вторых, на описание Фукидидом (I. 95. 128–134) мидизма Павсания, которое, по мнению автора, «дает классическую иллюстрацию этому обвинению» (Павсаний одевался и вел себя на персидский манер, добивался руки дочери персидского царя и его сопровождала чужеземная охрана из мидийцев и египтян)⁸. Таким образом, Д. Граф заложил основы понимания мидизма не только как политического сотрудничества греков с Персией, но и как социокультурного явления, и эти его представления на природу мидизма нашли восприятие в историографии.

⁴ *Wolski J.* ΜΗΔΙΣΜΟΣ et son importance en Grece à l'époque des Guerres Mediques // *Historia*. 1973. Bd 22. Ht 1. S. 3–15; *Hegyí D.* Μηδισμός Perzsálsárat irányzat görögországlan i.e. 508–479. Budapest, 1974; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.

⁵ Фессалия: *Westlake H.D.* The Medism of Thessaly // *JHS*. 1936. 56. P. 12–25; *idem.* Thessaly in the Fourth Century BC. L., 1935. P. 28–31; *Keaveney A.* The Medisers of Thessaly // *Eranos*. 1995. Vol. 93. № 1. P. 29; Беотия: *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, 1979. P. 107–120; *idem.* Boiotians at Thermopylae // *AHB*. 1987. Vol. 1. № 3. P. 54–60; г. Кари: *Huxley G.* The Medism of Caryae // *GRBS*. 1967. Vol. 8. № 1. P. 29–32; *Vickers M.* Persepolis, Vitruvius and the Erechtheum Caryatids: The Iconography of Medism and Servitude // *Rev. Arch.* 1985. 1. P. 3–28; Афины: *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 BC. // *HSCPh*. 1940. Suppl. 1. P. 71–95; *Holladay A.J.* Medism in Athens 508–480 B.C. // *GR*. 1978. Vol. 25. P. 174–191; *Gillis D.* Marathon and the Alcmeonids // *GRBS*. 1969. Vol. 10. № 2. P. 133–145; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднearchаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 72; *он же.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // *ВДИ*. 2001. № 2. С. 129; *Владимирская О.Ю.* Алкмеониды и мидизм в Афинах во время Греко-персидских войн // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. проф. Э.Д. Фролова.* СПб., 2002. С. 43–48.

⁶ Мидизм Павсания: *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // *RhM*. 1965. 108. S. 320 ff.; *Blamire A.* Pausanias and Persia // *GRBS*. 1970. Vol. 11. № 4. P. 295–305; *Evans J.A.S.* The Medism of Pausanias: Two Versions // *Antichthon*. 1988. 22. P. 1–11; *Паршиков А.Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте // *ВДИ*. 1968. № 1. С. 126–137; *Строжецкий В.М.* Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. // *Проблемы античной государственности / Сб. статей под ред. проф. Э.Д. Фролова.* Л., 1982. С. 60–85.

⁷ *Graf.* Medism... P. 15. Здесь следует снова обратить внимание на значение английского слова *collaboration*, который в отличие, например, от *cooperation* выражает более точно именно факт предательского сотрудничества с врагом (см. прим. 1).

⁸ *Graf.* Medism... P. 15.

И.Е. Суриков замечает по поводу мидизма: «Собственно, слово *μῆδισμός* имело широкое значение и могло означать не только измену как таковую, сотрудничество с “мидянами”, но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни»⁹. Однако далеко не все исследователи были согласны с подобными трактовками мидизма. К. Таплин, изучив всевозможные случаи употребления терминологии мидизма в античной литературной традиции, пришел к заключению, что коннотации слова в подавляющем большинстве примеров политические, подразумевают проперсидские действия, измену, а не просто умонастроение и тем более социокультурное поведение¹⁰. Исследователь определяет мидизм как «акт предательского сговора грека против свободы другого грека»¹¹. Стремление опровергнуть социокультурное значение мидизма побуждало К. Таплина прийти к заключению, что принятие греками чужеземных (варварских, персидских) обычаев, одежды и других атрибутов было почти что обычным делом среди граждан греческих полисов (особенно их политической элиты – аристократии) и это не могло дать никакого повода к обвинению в мидизме. Нет нужды в данном контексте воспроизводить, вслед за К. Таплином и другими исследователями, многочисленные примеры греко-персидского социокультурного взаимодействия, факт которого, впрочем, ни у кого не может вызвать какое-либо серьезное сомнение; однако, с другой стороны, нельзя также совсем не выразить свое отношение к популярному в историографии мнению о том, что обвинение в мидизме было связано с принятием греками персидских обычаев.

Первым по хронологии греческим автором, который не только сообщает о мидизме, но и позволяет составить достаточно определенное представление о самом явлении, был «отец истории» Геродот. В сохранившихся фрагментах логографов, произведениях греческой драматургии (например, в «Персах» Эсхила) мидизм вообще не упоминается. Именно в свидетельствах Геродота предстоит найти ответы на вопросы, касающиеся возникновения мидизма и значений самого термина. Ссылки Геродота на случаи мидизма не дают возможность понять происхождение явления. «Отец истории» в своем труде никогда не говорит непосредственно об этом, видимо, справедливо предполагая, что феномен мидизма должен был быть хорошо известен его греческим читателям, которые не встретили бы особых трудностей для себя при его истолковании. Тем не менее периодичность употребления Геродотом глагола *μῆδίζω* и его производных в различных грамматических конструкциях (34 раза) предполагает, что автор рассматривал мидизм как распространенное и влиятельное движение в Греции периода Греко-персидских войн.

В отличие от Геродота Фукидид только четырежды обращается к теме мидизма на страницах своего труда, причем, дважды историк сообщает о примерах полисного мидизма (III. 34. 1; 56. 4) и дважды об индивидуальном мидизме (I. 95. 5; 135. 2). Столь незначительный интерес к теме мидизма со стороны знаменитого афинского историка, очевидно, может быть объяснено тем, что в центре внимания автора были главным образом события Пелопоннесской войны, когда, как мы увидим, мидизм уже переставал быть значимым фактором в политической жизни греков (как собственно и терминология мидизма, которая использовалась античными авторами сугубо к ситуации Греко-персидских войн). Поэтому три примера мидизма у Фукидида относятся к периоду Греко-персидских

⁹ Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 72; *он же*. Политическая борьба в Афинах... С. 129. Не дается никакого определения понятию «мидизм» в работе: *Владимирская*. Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43–48.

¹⁰ *Tuplin. Medism...* P. 159.

¹¹ *Ibid.* P. 162.

войн (мидизм фиванцев, Павсания и Фемистокла) и только один – к событиям 430 г. до н.э. (мидизм в Колофоне).

Другие историки и писатели конца V–IV в. до н.э. не дают ничего нового для осмысления феномена мидизма. Ксенофонт упоминает мидизм зретрийца Гонгила (Xen. Hell. III. 1. 6). Исократ в «Панегирике» обобщенно говорит о смертных приговорах неким афинянам по случаю их мидизма в период Греко-персидских войн (IV. 157). Демосфен упоминает мидизм фиванцев (LIX. 95) и обвинение в мидизме Фемистокла (μηδιστὸν κατέγνωσαν) (XXIII. 205). Остальные ораторы вообще не сообщают о мидизме. Примечательно, что терминологии мидизма избегает также и комедиограф Аристофан, хотя и ссылается на «заговоры» некоторых афинян с мидянами и царем (Aristoph. Eq. 475–478), т.е. на явление, которое могло хорошо подходить под определение мидизма. Однако парадоксально встретить ссылку на мидизм у Плутарха в ироническом замечании некоего спартанца, что благодаря Анталкидову миру «лакедемоняне стали сторонниками мидян» (τοὺς Λακεδαιμονίους μηδίσειν), на которое Агесилай отвечал, что «скорее мидяне стали сторонниками лакедемонян» (μᾶλλον τοὺς Μήδους λακωνίζειν) (Plut. Ages. 23). В рассказе Плутарха, сохранившего этот довольно распространенный анекдот, с одной стороны, термины «мидяне» и «мидизм» употребляются в не свойственной той эпохе манере, а с другой, «мидизм» противопоставляется «лаконизму». Это единственная отсылка к мидизму, относящаяся к истории IV в. до н.э., которая непосредственно не относится к событиям Греко-персидских войн.

Надо думать, что заключение Каллиева мира афинянами с Персией в 449 г. до н.э., прекратившего непосредственную конфронтацию, а затем подкрепленного Эпиликовым мирным договором ок. 423 г. до н.э., и, наконец, установление союзнических отношений Спарты и Персии в 412–411 гг. до н.э., несомненно способствовали вытеснению из употребления термина «мидизм» и его производных¹² (в противном случае, позорное клеймо мидизма могло быть применено к самой Спарте, однако мы знаем, что ни о чем подобном в источниках не упоминается). И в этой ситуации довольно необычно встретить ссылку на сотрудничество с Персией среди обвинений, предъявленных спартанцами фиванцу Исмению в 383 г. до н.э. (например, ему в вину вменялось заключение «союза гостеприимства» с персом), хотя, примечательно, что Ксенофонт, передающий этот эпизод, избегает вполне уместных для того контекста терминов μηδισμός или μηδίσειν, но использует их замену в виде глагола βαρβαρίζειν (Xen. Hell. V. 2. 35). Последнее, думается, не случайно (это единственная подобная замена) и может свидетельствовать о нежелании Ксенофонта употреблять термин «мидизм», который, очевидно, был сочтен историком неправомерным по отношению к данному случаю. Едва ли может выглядеть уместным ссылка автора III в. н.э. Флавия Филострата на «мидизм» Демосфена и «филиппизм» Эсхина (Philostr. Vit. Soph. II, p. 580).

Как уже было замечено выше, в лексиконе Суды глагол μηδίσειν определяется как τὰ τῶν Μήδων φρονῶ – «приверженность мидянам», и чуть далее μηδισμός непосредственно связывается с деятельностью спартанского полководца Павсания (Suid., s.v., μηδίσειν; μηδισμός). Примечательно, что и Геродот единож-

¹² Подробнее о политическом контексте этих событий (с дальнейшими ссылками на литературу) см. *Строгецкий В.М.* Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158–168; *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96; *Печатнова Л.И.* Спарта и Персия в конце V в. до н.э. // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 85–108; она же. Спарта и Персия: история отношений (середина VI – 413 г. до н.э.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 73–97.

ды употребляет выражение τὰ Μήδων φρονεῖν в качестве замены обычного для него глагола μηδίζεῖν, что также может свидетельствовать в пользу адекватного понимания термина лексикографами (в VIII. 34 «отец истории» сообщает, что македонские гарнизоны взяли под охрану беотийские города, желая показать Ксерксу, что беотийцы на стороне персов; ранее Геродот говорит, что Βοιωτῶν δὲ πᾶν τὸ πλῆθος ἐμηδίε). Глагол μηδίζεῖν и существительное μηδισμός прочно вошли в греческий лексикон. Д. Граф и К. Таплин обращали внимание на то, что в конечном итоге глагол μησίζεῖν обозначал «делать что-то как мидяне» и отсюда могли происходить всевозможные коннотации термина¹³. При выяснении значения терминов мидизма необходимо обратиться к примерам использования греками глаголов на -ίζειν и существительных на -σμός. Наряду с глаголом μηδίζεῖν греки в своей речевой практике наиболее часто употребляли такие глаголы на -ίζειν, как ἀττικίζεῖν, λακωνίζεῖν, ἐλληνίζεῖν, βαρβαρίζεῖν и крайне редко – βοιωτίζεῖν, ἰωνίζεῖν, αἰολίζεῖν, δωρίζεῖν и даже λυδίζεῖν и персίζεῖν. Некоторые из указанных глаголов встречаются уже в текстах греческих авторов классического периода, другие появляются только в произведениях писателей эллинистического и римского периодов¹⁴. Однако в общем эти глаголы употреблялись по большей части для характеристики поведенческих стереотипов и обычно имели более одного значения: от выражения речевых особенностей и до политической или социокультурной коннотации¹⁵. Производными от названных глаголов являются существительные со сходными значениями – ἀττικισμός, λακωνισμός, ἐλληνισμός, βαρβαρισμός. Таким образом, важнейшая задача при рассмотрении данной темы – изучение греческой литературной традиции на предмет выявления соответствующих контекстов, в которых авторы считали уместным применение терминологии мидизма¹⁶.

¹³ Graf. Medism... P. 15; Tuplin. Medism... P. 156.

¹⁴ См. употребление терминов в произведениях авторов классической Греции: ἀττικίζεῖν: Isocr. VIII. 108; Xen. Hell. VI. 3. 14; Hell. Oxy. XVII. 1; ἀττικίζων: Thuc. VIII. 87. 1; Isocr. VIII. 108; Xen. Hell. VI. 13; ἀττικισμός: Thuc. III. 65. 1; IV. 133. 1; VIII. 38. 3; λακωνίζεῖν: Xen. Hell. V. 4. 55; VI. 3.14; Plato. Prot. 342e; Isocr. IV. 110; VIII. 108; Dem. LIV. 34; LIX. 36; λακωνισμός: Xen. Hell. IV. 4. 15; VII. 1. 46; λακωνίζων: Xen. Hell. IV. 8. 19; VI. 4. 18; Hell. Oxy. VII. 3; XVIII. 1; Isocr. VIII. 108; XII. 155; Plato. Prot. 342b-c; ἐλληνίζεῖν: Xen. Anab. VII. 3. 25; Aesch. III. 172; Plato. Meno. 82b; персίζεῖν: Xen. Anab. IV. 5. 34.

¹⁵ Например, глагол ἀττικίζεῖν в зависимости от контекста мог означать «говорить как житель Аттики» – на аттическом диалекте или быть на стороне Аттики – занимать проафинскую позицию; λακωνίζεῖν – «говорить как лаконец», лаконично, быть на стороне Лаконики, являться сторонником спартанцев или следовать спартанским обычаям; ἐλληνίζεῖν – «говорить как грек», на греческом языке или «делать греческим»; βαρβαρίζεῖν – «говорить как варвар», т.е. неправильная греческая речь или даже «быть на стороне варваров»; ἰωνίζεῖν, αἰολίζεῖν, δωρίζεῖν – говорить как иониец, эолиеца и дориеца, на соответствующих диалектах; λυδίζεῖν и персίζεῖν – говорить как лидиец и перс, по-лидийски и по-персидски соответственно и т.д. О значениях этих терминов: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958. Ср. также Liddle H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. 9th ed., with New Supplement. Oxf., 1996. В лексиконе подражание спартанским обычаям и одежде указывается даже как первое значение глагола λακωνίζεῖν (Liddle, Scott. A Greek-English Lexicon, s.v. λακωνίζω) (Xen. Hell. IV. 8. 18; Plut. Alc. 23: τῆ δαιτή λακωνίζων).

¹⁶ К. Таплин предполагает, что первоначальной коннотацией глаголов с основой, оканчивавшейся на -ίζ, была политическая (Tuplin. Medism... P. 156). Однако, на наш взгляд, все же в первую очередь глаголы на -ίζειν и существительные на -σμός должны были быть связаны с особенностями речи. Наглядным примером тому является происхождение термина δακτισμός, которое, по данным античной традиции, возникло из-за ошибки, допущенной персидским полководцем Датисом, сказавшим χαίρομαι вместо грамматически правильного χαίρω (Ps-Zonar., s.v. χαίρομαι; Schol. Aristoph. Pax. 289e-g; Suid. s.v. Δάτις; χαίρομαι).

Происхождение мидизма несколько раз становилось специальным объектом изучения в историографии. Первые работы, посвященные этой теме, относили возникновение мидизма к началу или середине VI в. до н.э., связывая мидизм с практикой, принятой малоазийскими греками обозначать как мидян своих иранских врагов – персов. Такого взгляда придерживались Дж. Майерс и Э. Джонкерс, которые тем не менее расходились во мнениях на конкретные обстоятельства возникновения мидизма¹⁷. Д. Граф датировал возникновение мидизма и появление соответствующей терминологии серединой VI в. до н.э.¹⁸

Источники не позволяют достоверно определить, появился ли термин «мидизм» еще до начала Греко-персидских войн (даже связь этого термина с отождествлением персов с мидянами не может непосредственно свидетельствовать в пользу этого предположения¹⁹), или он восходил своими истоками только к периоду первых персидских походов против Балканской Греции в 492–490 гг. до н.э. (в качестве своеобразной реакции общественного мнения греков на деятельность сторонников персов в греческих полисах).

Если мы, вслед за некоторыми современными исследователями, принимаем более раннюю датировку – VI в. до н.э., то с большей долей вероятности можно говорить о появлении этого термина в среде малоазийских греков, которые первыми из эллинов вступили в открытый конфликт с Персией. Однако против этого предположения свидетельствует довольно очевидный факт: термин «мидизм» в значительном большинстве случаев не употреблялся применительно к малоазийским грекам. Здесь следует оговориться, что среди малоазийских греческих полисов, несомненно, были и такие, которые добровольно перешли на сторону Персии; отдельные представители греческих полисов оказались предателями еще в период первого персидского завоевания Ионии в 546 г. до н.э. Общеизвестен случай Милета, заключившего отдельный договор с Киром (Herod. I. 141. 4; 143. 1), или эфесца Эврибата, который в античной традиции характеризуется как *πρόδοτης* и *πονηρός* (Ephor. FGrH 70. F. 58a-d)²⁰. Но ни в одном из примеров не присутствует упоминание мидизма. Термин «мидизм» не употреб-

¹⁷ Дж. Майерс, например, считал, что термин *μηδίζειν* возник на рубеже VII–VI вв. до н.э., в период лидийско-мидийского конфликта, и в своем первоначальном значении обозначал политику малоазийских греков, направленную на сотрудничество с мидянами в ущерб интересам лидийских правителей (*Myres. Μηδίζειν*. P. 97–105). Это предположение еще находит некоторую поддержку в историографии. Э. Джонкерс, однако, датировал появление термина временем конфликта малоазийских греков с Киром Великим после 550 г. до н.э. (*Jonkers. Μηδοί*. P. 78–83).

¹⁸ Д. Граф относил возникновение терминологии мидизма ко времени Лидийско-персидской войны, когда греки, которые сдались без всяких условий или добровольно сотрудничали с персидскими войсками Кира, могли уместно и закономерно быть обвинены в мидизме (*Graf. Medism*... P. 30).

¹⁹ Первые случаи применения термина «мидяне» по отношению к персам становятся известны из фрагментов авторов второй половины VI в. до н.э.: Ксенофана Колофонского (*Xenophon. F. 18 Diehl*³ = F. 22 Diels-Kranz⁶) и Феогнида Мегарского (*Theogn. Eleg. I. 764, 775*); далее эта традиция находит воплощение в эпиграммах и эпитафиях Симонида Кеосского, «Персах» Эсхила, трудах Геродота и Фукидида, хотя явное разграничение между двумя этносами – персами и мидянами – отчетливо проявляется уже после 479 г. до н.э. С другой стороны, под определение «мидийских войн» (*τὰ Μηδικά, ὁ Μηδικὸς πόλεμος*) подпадали только события 490 и 480/79 гг. до н.э., но не эпизоды персидского завоевания малоазийских греков 546 г. до н.э. или Ионийское восстание 499–494 гг. до н.э.

²⁰ См. Функ Б. Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2. С. 21.

ляется и в связи с деятельностью персофильских тиранов при Дарии I, когда Малая Азия была уже под властью персов²¹.

Единственное исключение представляет Фукидид (III. 34.1), который казалось бы свидетельствует в пользу возможного применения термина «мидизм» к грекам Малой Азии в первые годы Пелопоннесской войны. Он сообщает о существовании в Колофоне персофильской группировки (οἱ μηδίσωντες). Однако определение μηδίσωντες употребляется афинским автором по отношению к городу, входившему в состав Афинского морского союза; поэтому пример Фукидида только демонстрирует афинское восприятие ситуации, но не может считаться свидетельством в пользу использования терминологии мидизма среди самих малоазиатских греков в VI–V вв. до н.э.²²

Таким образом, если относить возникновение мидизма к ситуации Греко-персидских войн, то совершенно недопустимо квалифицировать как мидизм все известные по источникам примеры сотрудничества греков с персами во второй половине VI в. до н.э. С этих позиций трудно согласиться с попытками некоторых исследователей увидеть проявление мидизма в согласии афинских послов предоставить царю Дарию I «землю и воду» (γῆς καὶ ὕδωρ) в 507 г. до н.э. в обмен на условия военного союза с Персией (Herod. V. 73)²³.

Однако даже независимо от того, знаком ли был грекам термин «мидизм» еще до 490 г. до н.э., можно с определенностью утверждать, что именно в ходе борьбы греков против персидской агрессии в 490–480 гг. до н.э. этот термин получил наибольшее распространение в греческом мире. В этом случае победа патриотических сил в войне с Персией главным образом могла способствовать видоизменению значения термина «мидизм», принятию им более негативной окраски, делавшей его равносильным понятию измены²⁴. Именно тогда он мог приобрести, по выражению К. Таплина, то самое «узкое семантическое поле», в рамках которого греки понимали мидизм как антигреческое, направленное против свободы сотрудничество с Персией²⁵.

Выяснение значения мидизма как политического феномена начнем с обращения к свидетельствам Геродота. «Отец истории» дважды использует термин μη-

²¹ См. Graf D. Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / Ed. J.W. Eadie, J. Ober. Lanham, 1985. P. 79–86, 96–99; Austin M.M. Greek Tyrants and the Persians // CQ. 1990. Vol. 40. № 2. P. 289 f.

²² В афинских регуляциях в отношении Эрифр (ок. 450 г. до н.э.), эрифрейцы дают клятву, в числе прочего, не убеждать никого бежать к мидянам (IG. I³. 14. стк. 27 = ML. 40), и, таким образом, сторонники персов здесь также могли быть названы οἱ μηδίσωντες.

²³ Так, по мнению У. Хау и Дж. Уэллса, шокирует то, что именно главный защитник Греции против персов впервые предложил союз с ними (How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. Oxf., 1912. P. 40). Э. Уолкер замечал, что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма (Walker E.M. Athens: The Reforms of Cleisthenes // C.A.H. 1930. Vol. 4. P. 158). Таким же образом и Дж. Холлэдэй предполагает, что направление послов в 508/7 г. было первым знаком мидизма при демократии (Holladay. Medism in Athens... P. 178). Подобным образом переговоры с Персией определяют и О.Ю. Владимирская (Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43; возражения см. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии. С. 71).

²⁴ Об этом см., например: Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 72. По заявлению Дж. Холлэдэй, мидизм стал «позорным» термином после того, как произошел серьезный конфликт между греками и персами (сделана ссылка на мнение А. Гомма: Holladay. Medism in Athens... P. 174).

²⁵ Tuplin. Medism... P. 163.

διςμός, из которых один раз применительно к Аркесилаю IV, царю Кирены²⁶. Это вообще одна из первых ссылок на мидизм, встречающихся в труде историка. Пример этот не был замечен К. Таплином, который полагал, что Геродот при обращении к мидизму отсылает «всегда к поведению государства, а не индивидуума, и обычно к его позиции в отношении возможности непосредственной военной угрозы». Однако Геродот, упоминая о мидизме Аркесилая, во-первых, приводит его вне контекста Греко-персидских войн; во-вторых, употребляет термин «мидизм» не по отношению к тому или иному государству, а применяет его к личности; в-третьих, придает термину политическое звучание утверждением, что Аркесилай выдал Кирену персидскому царю Камбизу и в течение некоторого времени платил ему подать; в-четвертых, подразумевает личные связи Аркесилая с персами (Herod. IV. 165).

Если Геродот правомерно употребляет термин «мидизм» применительно к Аркесилаю IV и в том значении, как его понимали современники, то он представляет самую раннюю по времени ссылку к мидизму, вероятно, в том самом «первоначальном» значении, которое греки вкладывали в этот термин (который еще исключал его восприятие как политической измены, возможно, впервые появившейся в год битвы при Марафоне). В подобном же значении мог употребляться термин «мидизм» в греческих рассказах о милетянке Фаргелии, дочери Агесагора, жившей на рубеже VI–V вв. до н.э.²⁷

Уже следующая ссылка Геродота к термину μηδισμός встречается в отношении Эгины (Herod. VIII. 92) и непосредственно отражает события 490 г. до н.э. Далее на протяжении всего своего труда Геродот неоднократно использует глагол μηδίζειν в значениях «перейти на сторону персов» или «быть на стороне персов», а также причастие μηδίζοντες или аористное причастие μηδίσαντες в различных исторических контекстах, чтобы отметить действия отдельных греческих полисов или отдельных лиц, занимавших персофильскую ориентацию в период Греко-персидских войн²⁸. Значительное большинство греков вступили на путь мидизма в 481 г. до н.э., накануне вторжения Ксеркса в Элладу. Исключением может быть пример Фессалии, политическая элита которой (однако не все фессалийцы) проявила себя сторонником персов еще за несколько лет до этого события, или, например, уже упоминавшийся случай Эгины, которую обвиняли в мидизме в 490 г. до н.э., однако десять лет спустя эгинцы также сража-

²⁶ По рассказу Геродота, Феретима, мать Аркесилая IV, убитого в Барке, бежала в Египет, где припала к ногам сатрапа Арианда с мольбами о помощи, уверяя его, что ее сын погиб из-за мидизма (διὰ τὸν μηδισμόν ὁ παῖς οἱ τέθνηκε) (Herod. IV. 165).

²⁷ Общим топомосом всех античных авторов выступают сведения о ней как о гетере, которая сожительствовала с 14 наиболее выдающимися мужами Греции, в том числе и с «царем» Фессалии Антиохом (Plut. Pericl. 24. 3; Athen. XIII. 608 f.; Philostr. Epist. I. 73; Paradoxogr. I. 11; Phot., s.v. Θαρρηλία; Hesych., s.v. Θαρρηλία; EM., s.v. Θαρρηλία; Suid., s.v. Θαρρηλία). Эскин Сократик сообщает, что Фаргелия посредством своих многочисленных мужей сеяла в городах начала мидизма (apud Plut. Pericl. 24. 3).

²⁸ Упомянут мидизм Эгинны (Herod. VI. 64; VIII. 92), неоднократно подчеркивается мидизм Фиванцев (VII. 206, 233; IX. 15, 40, 67, 86–88) и в целом беотийцев (VIII. 34), мидизм жителей Дориды (VIII. 31), мидизм фессалийцев (VII. 130, 132, 172–174, VIII. 27–31, IX. 31). Геродот указывает, что фокейцы были единственными народами своего региона, которые не перешли на сторону Персии (οὐκ ἐμηδίζον) (VIII. 30), и в тех же выражениях историк описывает отказ платейцев перейти на сторону персов (VIII. 50). «Отец истории» говорит далее о мидизме греков без дальнейшей конкретизации (VII. 138–139), сообщает о последствиях, которые ждали бы греков в случае мидизма афиня (VI. 109; VIII. 144; IX. 8).

лись против персов на стороне полисов Эллинского союза. Однако обращает внимание, что Геродот во всех случаях под мидизмом понимал главным образом непосредственное военно-политическое сотрудничество греков с мидянами/персами и не сообщает ни одного примера «социокультурного мидизма»; кроме того, как справедливо отметил К. Таплин, у «отца истории» нельзя найти примеров, в которых терминология мидизма была бы применима к варварам или даже к малоазийским грекам²⁹. Геродот считает одним из проявлений полисного мидизма предоставление персидскому царю «земли и воды» – γῆς καὶ ὕδαρ. Современные исследователи относительно мало внимания уделяли персидскому обычаю требовать «землю и воду», чаще всего они ограничивались краткими суждениями о нем как о символе подчинения власти Персии³⁰. Вопрос специально исследовала Э. Курт, заметив, что «явление, которому нет объяснения, обязательно само поднимает проблему»³¹. Э. Курт пришла к некоторым весьма важным выводам. Во-первых, она отмечала, что для персов этот обычай означал возможность расширить свою империю без военных действий. Во-вторых, греки, которые предоставили «землю и воду», как замечает автор статьи, ожидали остаться незатронутыми вторжением персов. Значимость этих двух выводов обусловлена тем, что они хорошо раскрывают цель, стоявшую перед персидской дипломатией в эпоху персидских завоеваний, и показывают, что средством достижения этой цели был обычай требовать «землю и воду». Понятно, что греки, которые предоставили «землю и воду» Великому царю попадали в категорию царских подданных³².

Концепция «земли и воды» не находит параллелей в истории держав древней Передней Азии первой половины I тыс. до н.э. (и прежде всего Новоассирийского, Нововавилонского и Мидийского царств), на основе которых возникла Персидская империя. Тем не менее остается открытым вопрос, была ли концепция «земли и воды» заимствована или имеет персидские корни (Л. Орлин и Э. Курт, например, считают, что она восходит к типично иранским обычаям, причем первый связывает ее с религией зороастризма³³). В период завоеваний Кира и Камбиза вообще не встречается упоминания о требовании персами «земли и воды». Объясняется ли это простым отсутствием данных, или же само явление появилось только в более поздний период и может в полной мере ассоциироваться с имперской политикой Дария I? Это другой вопрос, который не может быть пока разрешен в силу отсутствия каких-либо конкретных данных на этот счет. Во всяком случае, все эпизоды требования «земли и воды» относятся только к

²⁹ См. *Tuplin. Medism...* P. 161–162.

³⁰ *Walker. Athens...* P. 158; *Olmstead A.T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. Chicago, 1948. P. 159.

³¹ *Kuhrt A. Earth and Water // Achaemenid History / Ed. A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Vol. 3: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 87–99.*

³² Представление греков о всех подданных персидского монарха как рабах царя можно найти во многих греческих текстах. См. *Herod.* I. 89, 114; III. 140; VII. 135; *Xen. Hell.* VI. 1. 12; *Anab.* I. 1. 4; I. 9. 29; *Andoc.* III. 29; *Dem.* XV. 23; *ML.* 12. Афинский драматург Эврипид в своей трагедии «Елена» восклицает в отношении персов: «Все варвары – рабы, кроме одного» (τὰ βαρβάρων γῆρ δούλα πάντα πλὴν ἑνός) (*Eur. Hel.* 276; cf. *Iphig. Aul.* 1401). А. Миссиу показала, что термин δούλος βασιλέως отражает не столько представление греков о социальной структуре и иерархии в Персидской державе, сколько может быть переводом соответствующего древнеперсидского выражения *mana ba[n]daka*, описывающего подданство по отношению к царю (*Missiou A. ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation // CQ.* 1993. Vol. 43. №3. P. 377–391).

³³ *Kuhrt. Earth and Water.* P. 98; *Orlin L.L. Athens and Persia ca 507 BC.: a Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in Honor of G.G. Cameron. Ann Arbor, 1976. P. 265–266.*

периоду Дария и Ксеркса; из них один связан со скифским походом Дария I (Herod. IV. 132), другой заявлен в связи с подчинением персами Македонии еще при Аминте I (Herod. V. 17–18); в третьем случае требование «земли и воды» было предъявлено афинским послам, добивавшимся союза с Персией в 507 г. до н.э. (Herod. V. 73).

Наконец, Геродот неоднократно упоминает о миссиях персидских глашатаев в Грецию с требованием земли и воды в 491 г. до н.э. по приказанию Дария I (Herod. VI. 48–49; VII. 32, 133) и в 481 г. до н.э., когда посланцы были направлены уже царем Ксерксом (VII. 32, 132–133)³⁴. Список перешедших на сторону персов греческих племен и городов, приводимый Геродотом (VII. 132), разумеется, должен был включать как тех, которые заняли персофильскую ориентацию добровольно, так и тех, которые поступили подобным образом под угрозой применения военной силы. Поэтому трудно согласиться с К. Таплиным, что мидизм был сугубо добровольным актом³⁵. Кроме того, существовала традиция, известная Геродоту (IX. 32), об участии в битве при Платеях на стороне персов до 50 тысяч греков, которые характеризуются в источниках (правда, не у Геродота, который говорит о них как об эллинских союзниках Мардония) как τῶν Ἑλλήνων οἱ μηδίσαντες (Plut. Arist. 18. 7; 40 тыс.: Aristodem. FGrH. F. 1. 2. 3 = P. Оху. XXVII. 2469 s. 2); понятно, что далеко не все они были добровольными сторонниками персов в Элладе.

Вообще, надо сказать, что среди основных причин полисного мидизма в представлении Геродота страху греков перед могуществом Персидской империи отводится едва ли не первое место. Именно этот фактор – «великий страх» (δεισιμα μέγαν) – называет Геродот (VII. 138; ср. VIII. 36), повествуя о умонастроении греков накануне похода Ксеркса: «Некоторые из них уже дали персидскому царю “землю и воду” и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе (ἐν δεισιματι μεγάλῳ)... Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но ревностно сочувствовало персам (μηδίζοντων δὲ πρόθυμος)». Сохранившаяся в изложении галикарнасского историка клятва греков призывает наказать города, перешедшие на сторону Персии, «не вынужденные к этому необходимостью» – μη ἀναγκασθέντες (VII. 132). Рассуждая о печальной судьбе, которая могла бы постичь греков в случае отказа афинян от участия в войне, «отец истории» говорит о том, что спартанцы остались бы наедине с врагом, покинутые на произвол союзниками не по доброй воли, а в силу необходимости – οὐκ ἐκόντων, ἀλλ' ὑπ' ἀναγκαιῆς (VII. 139) Та же самая необходимость – ἀναγκαιῆ, по мнению Геродота, была основной причиной, побудившей фессалийцев перейти на сторону Персии (VII. 172). Действия, причиной которых был страх, обусловленный невозможностью сопротивляться, историк склонен оправдывать и не считать «предательством».

Среди других причин полисного мидизма Геродот упоминает персофильскую политику правящей элиты, которая далеко не часто соответствовала позиции основного населения. Так, например, историк возлагает главную вину за мидизм

³⁴ Комментарии по предоставлению «земли и воды» см. *Wery L.M. Le meurtre des hérauts de Darius en 491 et l'inviolabilité du héraut // L'Antiquité Classique. 1966. Vol. 35. P. 468–488; Sealey R. The Pit and the Well. The Persian Heralds of 491 B.C. // CJ. 1976. Vol. 72. P. 13–20; Orlin. Athens and Persia... P. 255–266; Kuhrt. Earth and Water. P. 87–99. Некоторые исследователи, однако, необоснованно отрицают достоверность традиции направления глашатаев Дарием I в 491 г. до н.э. (Will Ed. Le monde grècque et l'Orient. T. 1. P., 1972. P. 96–98).*

³⁵ *Tuplin. Medism... P. 160.*

фессалийцев не на весь фессалийский народ, а на Алевадов из Лариссы³⁶. Следует заметить, что подобная мотивация мидизма, правда, применительно уже к фиванцам, присутствует и у Фукидида при его описании «Платейского дела» – разбирательства, учиненного спартанскими судьями после захвата Платей в 427 г. до н.э. Во время этого процесса платейцы, говоря о причинах своей вражды с Фивами, обвиняли фиванцев, в числе прочего, также и в мидизме (Thuc. III. 56. 4). В свою очередь, фиванцы, оправдываясь от этого обвинения, заявляли, что причина мидизма периода Греко-персидских войн крылась в политике правящих кругов Фив: «Ведь тогда у нас не было ни равноправной олигархии, ни демократии. Наш тогдашний государственный строй являл собой полную противоположность законности и порядку и ближе всего был к тиранническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей (*δυναστεία ὀλίγων ἀνδρῶν εἴχε τὰ πρόσωπα*). Правители надеялись в случае победы Мидянина еще больше укрепить свое личное господство, держали народ в подчинении насилем и призвали мидийского царя в страну» (Thuc. III. 62. 3). Данный отрывок представляет интерес с точки зрения отношения в период Пелопоннесской войны к движению мидизма. Во-первых, довольно любопытно видеть в этом пассаже Фукидида прямую ссылку на виновность в мидизме не фиванцев, как таковых, но только правящей элиты. Мы выше уже отмечали, что подобным образом Геродот объясняет мидизм фессалийцев (Herod. VII. 130, 172), но в отношении мидизма фиванцев он придерживается иного мнения, представляя их наиболее последовательными сторонниками персов (IX. 40, 87)³⁷. Во-вторых, обращает внимание прямо заявленная вина фиванских олигархов: приглашение Ксерксу совершить поход в Элладу. Это, видимо, и было составом преступления мидизма и непосредственно перекликается с тем, что Геродот говорит в отношении Алевадов (VII. 6) и аргосцев (VII. 152).

Кроме уже названного, мидизм, как это также явствует из свидетельств Геродота, в значительной мере зависел также от традиционных приоритетов во внешней политике, фактически исключавших занятие одной и той же стороны в греко-персидском конфликте враждующими между собой греческими племенами и полисами. Стародавняя вражда не позволила прийти к общему соглашению фессалийцам с фокидянами (Herod. VIII. 27–30)³⁸, фиванцам с феспийцами

³⁶ Геродот рассказывал о посольстве Алевадов в Сузы, убеждавшее Ксеркса совершить поход в Грецию (VII. 6, 130). Далее, он заявлял, что фессалийцы прежде всего перешли на сторону персов по необходимости (*Θεσσαλοὶ δὲ ὑπὸ ἀναγκῆς τὸ πρῶτον ἐπῆλθον*), поскольку им не нравились козни Алевадов (*οἱ Ἀλευάδοι ἐμύχωντο*) (VII. 172; ср. VII. 174). Попытки объяснить мидизм Фессалии были предприняты в работах ряда исследователей (*Westlake. The Medism of Thessaly. P. 12–25; idem. Thessaly in the Fourth Century BC. Camb., 1935. P. 30; Brunt P. The Hellenic League against Persia // Historia. 1953/4. Bd 2. Ht 1. S. 162–163; Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC // JHS. 1976. 96. P. 102–108; Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 29 ff.*).

³⁷ При объяснении причин тенденциозного освещения Геродотом поведения фиванцев исследователи обычно ссылаются на личные мотивы «отца истории». В этой связи, как правило, обращаются к приведенному Плутархом в произведении «О злокозности Геродота» сообщению Аристофана Беотийского: «Аристофан Беотийский писал, что Геродот требовал от беотийцев денег, но не получил их, что он начал было беседовать с юношами и преподавать им, но беотийские власти запретили ему это вследствие их некультурности и их враждебности к науке» (FGH 379 F. 5). С другой стороны, исследователи принимают во внимание также враждебные отношения афинян и фиванцев в период написания Геродотом своего труда, наложившие отпечаток на сообщения историка (*Buck. Boiotians at Thermopylae. P. 54–60; Лурье С.Я. Геродот. М.-Л., 1947. С. 74–76*).

³⁸ Геродот заявлял, что фокидяне исключительно из ненависти к фессалийцам (*τὸ εὐθρὸς τὸ Θεσσαλῶν*) не перешли на сторону Персии; будь фессалийцы на стороне греков, то фокидяне поддерживали бы персов (VIII. 30).

и платейцами (VIII. 50), спартамцам с аргосцами (VII. 148–152). Что касается Аргоса, то этот полис представляет собой совершенно особый случай. Собственно говоря, необычность всей ситуации вокруг Аргоса заключалась в том, что Геродот (VII. 132) не упоминает аргосцев в своем списке племен и городов, предоставивших «землю и воду» персидскому царю в 481 г. до н.э., не употребляет он по отношению к ним и термина «мидизм». Вообще же, к позиции Аргоса в период Греко-персидских войн «отец истории» обращается всего лишь дважды (VII. 148–152; IX. 12), а это значительно реже, чем он говорит, например, о фессалийцах или фиванцах. Однако среди таких обращений есть подробный рассказ, включающий различные версии отказа аргосцев от приглашения присоединиться к Эллинскому союзу для борьбы с Персией (VII. 148–152): от ссылки на изречение Дельфийского оракула и упоминания тягостных последствий битвы при Сепее³⁹, до предположения о генеалогическом родстве аргосцев с персами посредством их общего предка – мифологического героя Персея⁴⁰ (VII. 150; ср. FGrH 105. F. 3, где также причиной отказа аргосцев от участия в войне выставлено πρὸς Πέρσας συγγένειαν). Впрочем, для современников Геродота одной из наиболее вероятных причин персофиливства аргосцев выступает традиционная вражда со Спартой, которая породила версию о том, что аргосцы призвали персов в Грецию, поскольку терпели поражение в войне со спартамцами и надеялись любой ценой избавиться от своих проблем (VII. 152)⁴¹. Геродот предполагает существование договора, устанавливавшего дружбу аргосцев с Ксерксом (VII. 151: φίλην), однако даже если это соглашение действительно существовало, то оно, вероятно, было заключено при условии предоставления «земли и воды» царю Персии (как это наблюдается на примере афинского посольства в Сарды 507 г. до н.э.). Попытки Геродота, по возможности, обойти молчанием или даже, до известной степени, оправдать мидизм аргосцев, вполне объяснимы с учетом существования союзнических отношений Аргоса с Афинами на протяжении большей части V в. до н.э. (с 461 г. до н.э.)⁴².

Несомненно, что во время написания Геродотом своего труда в общественном мнении греков, в частности в Афинах, где долгое время жил «отец истории», должно было сформироваться определенное, «дифференцированное», отношение к мидизму, вольно или невольно оправдывавшее бы государства, перешедшие на сторону Персии (среди которых был, например, преданный афинский союзник – Аргос), а также отделявшее добровольных персидских союзников от тех, которые стали такими по жизненной необходимости. И это отношение, прямо выраженное галикарнасским историком, верно отметил Плутарх в своем сочинении «О злокозненности Геродота» (De Herod. malign. 864d), резко критикуя «отца исто-

³⁹ Степень воздействия поражения аргосцев в битве при Сепее на внутреннюю и внешнюю политику Аргоса полностью зависит от датировки этого сражения. В современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н.э. или 494 г. до н.э.), каждая из которых находит своих сторонников. Об историографии вопроса см. *Строжецкий В.М.* О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117.

⁴⁰ О мифологизации персидской истории в общественном сознании греков подробнее см. *George P. Barbarian Asia and Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon.* Baltimore, 1994. P. 47–75.

⁴¹ Традиционная вражда Аргоса со Спартой не вызывает сомнения, несмотря на попытки Т. Келли объявить это поздним «мифом» (*Kelly T. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth* // AHR. 1970. Vol. 25. P. 971 ff.).

⁴² *Лурье.* Геродот. С. 77–78. О внешней политике Аргоса в V в. до н.э. см. *Kelly T. Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C.* // CPh. 1974. Vol. 69. № 2. P. 81–99.

рии» за сознательное нежелание каким-либо образом оправдать мидизм фиванцев⁴³. Принуждение греков под страхом силы к подчинению или «предательская» позиция правящей элиты служили достаточным поводом для Геродота и его современников к тому, чтобы снять обвинение в предательстве; однако тем самым не устранялся сам факт мидизма этих греческих полисов. Таким образом, как станет очевидно, даже в период Греко-персидских войн мидизм не следует автоматически приравнивать к политической измене – *προδοσία*.

Подобный подход к объяснению мидизма, продемонстрированный Геродотом (и присутствующий также у Фукидида), хорошо объясняет почему «отец истории» лишь трижды сопоставляет мидизм с прямой изменой (*προδοσίη*), и то один раз только применительно к конкретному полису, а дважды – в несколько обобщенном смысле. Примечательно, что во всех трех случаях речь идет о предательстве греками интересов не своего родного полиса, но *всей Эллады* в целом. Упоминание об Элладе не лишено оснований, так как во времена Геродота Греко-персидские войны мыслились как время небывалого патриотического подъема и политической консолидации эллинов.

Первый случай описания мидизма как *предательства Греции* встречается у Геродота при обращении к характеристике политики Эгины в 490 г. до н.э. Он сообщает, что согласие эгинцев подчиниться Персии афиняне восприняли как подходящий повод к возобновлению враждебных действий против этого государства и направили своих послов в Спарту с тем, чтобы обвинить эгинцев в предательстве Эллады (*προδόντες τὴν Ἑλλάδα*) (Herod. VI. 49). Другой непосредственный пример отождествления мидизма с изменой предстает в ответе фокидян на предложение своих врагов фессалийцев заплатить определенную денежную сумму, чтобы уберечь свою страну от бедствий предстоящего персидского вторжения в 480 г. до н.э. Фокидяне отвергли это предложение, заявив о том, что они могли, если бы захотели, подобно фессалийцам перейти на сторону персов (*μηδίσειν*), но они никогда добровольно не будут предателями Эллады (*προδοῦντας τῆς Ἑλλάδος*) (VIII. 30).

Геродот проводит параллели между мидизмом и предательством и при обращении к роли Афин в период Греко-персидских войн. Особенно это становится очевидно при изложении «отцом истории» афинского ответа спартанским послам, опасавшимся заключения договора Афин и Персии в 479 г. до н.э.: «Нет на свете столько золота, нет земли столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и поработить Элладу (*ὄν μηδίσαντες καταδουλώσαι τὴν Ἑλλάδα*)» (Herod. VIII. 144). Заключить мир с Ксерксом, по словам афинян, значит предать кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношение на празднествах и одинаковый образ жизни, стать предателями (*προδοῦντας γένεσθαι*) – не благо для афинян. Тенденция вполне ясна, так как и ранее Геродот представлял афинян спасителями Эллады (*σωτῆρες τῆς Ἑλλάδος*) вследствие их отказа перейти на сторону персов и доказывал, что в ином случае Грецию ожидало бы неминуемое порабощение (VII. 139).

Впрочем, надо думать, как не любой мидизм мог считаться изменой, так далеко не любая измена могла быть квалифицирована как мидизм. Геродот иногда

⁴³ Сам Плутарх, рассматривая положение фиванцев в начале вторжения Ксеркса в Грецию, заключает, что им ничего не оставалось, как в силу крайней нужды (*ὄλο τῆς μεγάλης ἀνάγκης*) отказаться от сопротивления в войне против персов (De Herod. malign. 864 f.).

сообщает о случаях предательства греками интересов своего родного полиса, но он не связывает их с мидизмом. Среди таких примеров: измена некоторых эретрийцев в 490 г. до н.э. (VI. 100); предательство Эпиальта при Фермопилах (VII. 213); предательство стратега скионян Тимоксейна при осаде персами города Потидеи (VIII. 128)⁴⁴. Возможно, действия упомянутых лиц показывают, что мидизм, как таковой, менее всего мог состоять в конкретном действии измены (например, в сдаче своего родного города врагу): предательство, которое не влечет за собой долгосрочного сотрудничества с Персией, едва ли могло быть названо мидизмом во времена Греко-персидских войн (что, собственно, и отражает Геродот).

Итак, Геродот демонстрирует понимание причин полисного мидизма в Греции, которое с определенными поправками, пожалуй, можно признать адекватным отражением политической реальности периода Греко-персидских войн. Однако необходимо заметить, что в редких ссылках на случаи индивидуального мидизма «отец истории» называет как тех, кто обладали властными полномочиями (киронец Аркесилай – IV. 165; фессалийские Алевады – VII. 6; IX. 1; 58; фиванцы Аттагин и Тимегенид – IX. 15–16; 86–88), так и тех, которые таковых не имели (например, некие аркадяне – VIII. 26; жрец Гегесистрат – IX. 37–38). Причем Геродот совершенно игнорирует мотивацию, побудившую тех или иных представителей греческой политической элиты занять сторону Персии и очень скупое сообщает о проявлениях их мидизма⁴⁵. Было ли это «восхищение автократией», как считает С. Хорнблауэр⁴⁶, или ожидание неких политических или материальных выгод от персофильской позиции, трудно сказать определенно. Хотя, несомненно, в действиях персофилов можно предположить политический расчет, направленный на то, чтобы, подчинив своих сограждан власти персидского монарха, самим сохранить власть и положение в государстве.

К числу проявлений индивидуального мидизма политической элиты, несомненно, следует отнести роскошный пир, устроенный Аттагином в Фивах, на котором присутствовало пятьдесят знатнейших персов во главе с Мардоном (Herod. IX. 16). Плутарх, хорошо знавший местную беотийскую традицию, дополняет здесь Геродота. Он объясняет мидизм Аттагина тем, что он стал φίλος κοῖ ξένος царя Ксеркса, причем отмечает роль Демарата в оформлении отношений ксении этого фиванца с персидским царем, поскольку Аттагин и Демарат сами были связаны узами ксении (De Herod. malign. 864 f.). Геродот сообщает также о присутствии в войске Ксеркса в 480 г. до н.э. фессалийцев Форака из Лариссы и его братьев Эврипила и Фрасидея в качестве представителей рода Алевадов (IX. 58), однако ничего конкретного не сообщает о причинах их мидизма⁴⁷. Между тем софист Критий приписывает мидизм фессалийцев (несо-

⁴⁴ Й. Вольский, однако, считает, что поведение Тимоксейна подпадало под обвинение в мидизме (*Wolski. ΜΗΔΙΣΜΟΣ...* S. 11).

⁴⁵ Геродот (VII. 6) называет Алевадов «царями Фессалии» (Θεσσαλῆς βασιλέες), а некоторые исследователи предпочитали видеть в Фораке выборного предводителя Фессалийского союза в должности тага (τάγος). Однако Н. Робертсон доказывал, что Алевады были наследственными правителями Лариссы, и титул βασιλεύς подчеркивал их социальный статус (*Robertson. The Thessalian Expedition...* P. 104–108). Властные полномочия Аттагина и Тимегенида в Фивах отмечает Геродот (IX. 86), называя их ἀρχοῦνται ἀνα πρώτους – «предводителями первых граждан», вождями олигархов (ср., например: *Thuc.* III. 62. 3).

⁴⁶ *Hornblower S. The Greek World, 479–423 BC. L., 1983. P. 18.*

⁴⁷ Ктесий Книдский дополняет здесь Геродота, сообщая о том, что фессалиец Форака и влиятельные трахинцы Каллиад и Тимаферн пропустили войско Ксеркса через свои владения (FGrH. 688. F. 13).

мненно, речь идет о фессалийской аристократии) их приверженности к роскоши (apud Athen. XIV. 662 f.), что, если понимать не столь буквально, может означать ожидание материальных выгод от персов. В то же время, когда Геродот упоминает о прибытии к Ксерксу некоторых перебежчиков из Аркадии (αὐτομόλοι ἄνδρες ἅπ' Ἀρκαδίας), он объясняет их решение принести пользу персам (ἐνεργῶσι βουλόμενοι εἶναι) нехваткой средств, необходимых для жизни (βίου τε δεόμενοι) (Herod. VIII. 26). Вероятно, это можно считать одним из объяснений мидизма среди простого населения.

Как уже было замечено, Геродот, впервые сообщивший о мидизме, понимал его главным образом как феномен политического сотрудничества греков с Персией, однако уже у Фукидида можно обнаружить примеры иного понимания мидизма, причем, исключительно в тех частях, где говорится о случаях индивидуального мидизма (Павсания и Фемистокла). Так, в отношении Павсания, спартанского военачальника и победителя в битве при Платеях, историк сообщает, что его обвиняли прежде всего в приверженности к персам – мидизме (Thuc. I. 95. 5). Затем Фукидид делает необходимые пояснения по поводу состава его преступления, которые на первый взгляд могут предполагать, что в основе обвинения Павсания лежал только «социокультурный мидизм» – подражание персидским нравам и обычаям. Историк замечает: «Не довольствуясь простым образом жизни, Павсаний стал носить мидийское платье (σκευάς τε Μηδικὰς ἐνδύμενος) и после отъезда из Византии ехал через Фракию в сопровождении мидийских и египетских телохранителей; он завел роскошный персидский стол (τρόπεζαν τε Περσικὴν), и не будучи в состоянии скрыть свои настроения, уже в мелочах обнаруживал, что можно ожидать от него в будущем» (Thuc. I. 130.1). Далее Фукидид продолжает развивать ту же тему: «Тем не менее его образ жизни, несхожий с установленными обычаями (παρὰ νόμιον), и стремление подражать варварам (ζηλώσει τῶν βαρβάρων), давали множество поводов подозревать, что он не желает, как равный, подчиниться спартанским обычаям» (Thuc. I. 132. 1). Другие, более поздние, античные авторы также акцентируют внимание на подражании Павсания персидским нравам (см., например, Duris FGtH. 76 F.14: «Павсаний снял с себя отеческий грубый плащ и надел персидскую одежду»; cf. Aelian. Var. Hist. VI. 7; IX. 41). Окончательный вывод о том, что обвинение в мидизме могло включать приверженность персидским обычаям, казалось бы, может следовать из замечания Афиней, что Алкивиад подражал мидизму Павсания (ἐμίμητο Ἀλκιβιάδης τὸν Παυσανίου μηδισμόν) и привлек на свою сторону Фарнабаза тем, что оделся в персидскую одежду и выучил персидский язык подобно тому, как Фемистокл (Athen. XII. 49)⁴⁸. По мнению К. Таплина, Афиней мог самостоятельно несколько расширить смысл термина «мидизм», т.е. придать ему значение, которое не следует из текстов других авторов⁴⁹. Если дело обстоит таким образом, то неправомерным было бы использовать сообщение Афиней для суждений о «социокультурном» мидизме. За разъяснениями обратимся опять же к Фукидиду. Историк сообщает, что во время первого суда в Спарте Павсаний был оправдан из-за недостатка доказательств его вины, а его подражание персидским нравам воспринимали просто как нежелание подчи-

⁴⁸ Ср. замечание лексикона Суды о Павсании, где схожим образом определяется мидизм: «Мидизм начинался с того, что он (Павсаний. – Э.Р.) в Византии имел египетских и финикийских телохранителей, употреблял мидийскую трапезу, помышлял о дочери Ксеркса в обмен на Грецию» (Suid., sv. Παυσανίας). Однако и здесь, наряду с упоминанием «социокультурного» мидизма, свидетельствуется о предательских замыслах Павсания.

⁴⁹ Tuplin. *Medism*... P. 160.

няться спартанским обычаям, как это следует из приведенной выше цитаты (Thuc. I. 132. 1). Но было ли это достаточным для обвинения в мидизме? Очевидно, нет, если впоследствии у спартанских судей возникла необходимость заполучить письма Павсания, которые определенно свидетельствовали бы о связях регента с персидским царем (и эти письма, как известно, были получены уже при помощи некоего аргилийца, близкого Павсанию) (Thuc. I. 132. 5; 133; 134. 1)⁵⁰. Таким образом, обвинение в мидизме после 479 г. до н.э. должно было исходить не из манеры поведения или образа мыслей, а из вполне конкретных действий, направленных на установление и осуществление контактов с Персией в ущерб интересам своего родного города или Эллады в целом. Хотя здесь же можно с большим основанием предположить, что подражание Персии в одежде или обычаях могло послужить (и в действительности послужило) поводом к подозрению в мидизме, однако нуждающемуся в дальнейших доказательствах, которые еще не были собраны в период первого суда над спартанским военачальником.

Однако кроме случая Павсания трудно найти примеры, где как-то явно можно было бы проследить связь обвинения в мидизме с принятием греками персидских обычаев и традиций. Тема нуждается в дополнительном развернутом исследовании, особенно с акцентом на реакцию общественного мнения греков на эти явления греко-персидского (и даже в общем эллино-варварского) культурного взаимодействия⁵¹. Тем не менее можно уверенно утверждать, что, во-первых, принятие греками отдельных атрибутов персидской одежды или некоторого следование персидским обычаям, несомненно, имело место в тот период. Однако если не принимать во внимание примеры греческих эмигрантов в Персии⁵², то немногочисленные сведения о таких случаях в полисах Балканской Греции относятся к концу V–IV в. до н.э., когда конечно, никаких ассоциаций с мидизмом уже не могло возникнуть⁵³. Во-вторых, даже если гипотетически можно допустить, что были и другие современники Павсания, воспринявшие персидские *mores* (например, эретриец Гонгил), то все равно трудно однозначно утверж-

⁵⁰ О «деле Павсания» существует значительная литература. Подробнее см. *Lippold. Pausanias von Sparta und die Perser. S. 320 ff.*; *Balcer J.M. The Medizing of the Regent Pausanias // Actes du Ier congrès d'études balkaniques. Sofia, 1966. P. 105–114*; *Fornara C.W. Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta // Historia. 1966. Bd 15. P. 257–271*; *Rhodes P.J. Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd 19; Blamire. Pausanias and Persia. P. 295–305*; *Westlake H.D. Thucydides on Pausanias and Themistocles – a Written Source // CQ. 1977. Vol. 27. P. 95–110*; *Evans. The Medism of Pausanias: Two Versions. P. 1–11*; *Schumacher L. Themistokles und Pausanias. Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd 94. S. 218–246*; *Паришков. Павсаний и политическая борьба в Спарте. С. 126–137*; *Спрогоцкий. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. С. 60–85*.

⁵¹ Большой материал по греко-персидским культурным взаимодействиям содержится в монографии М. Миллер (*Miller M.C. Athens and Persians in the Fifth Century BC.: A Study in Cultural Receptivity. Cambr., 1997. P. 135–258*), некоторые существенные сведения собрал в своей статье К. Таплин (*Tuplin. Medism... P. 162–185*).

⁵² Например, Демарат (*Plut. Them. 29. 7; Phylarch. FGrH. 81 F. 22 = Suid., s.v. τιαρά*) или Фемистокл (*Thuc. I. 137–138; Plut. Them. 27–32*). Наиболее полную подборку сведений о греках в Персии специально см. *Hofstetter J. Die Griechen in Persien: Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. B., 1978*.

⁵³ Разведение павлинов Перилампом (*Plut. Per. 13.15; Athen. IX. 56*) (см. *Miller M.C. Peacocks and Tryphe in Classical Athens // Arch. News. 1989. Vol. 15. P. 1–10*). Неизвестно, по какому случаю Гераклид из Клазомен получил в Афинах прозвище «царь» (*Arist. Ath. pol. 41. 3*), однако наиболее вероятна ассоциация с Великим царем Персии, которому клазоменец мог подражать, например, в одежде или манерах поведения (о роли Гераклида в заключении Эпиликова мирного договора: *Рунг. Эпиликов мирный договор. С. 88*).

дать, что этот их поступок уже сам собой должен был повлечь обвинение в мидизме. Среди таких примеров времени Греко-персидских войн, где можно было бы предполагать некую связь ношения персидской одежды с мидизмом, – случай Каллия, сына Кратия из Алопеки, который был изгнан посредством остракизма в 480-е годы до н.э. Наряду с приписками на острака, таких, как ὁ Μῆδος или ἔκ Μῆδων, на одном имелось его изображение в персидском одеянии⁵⁴. Правда, этот пример также в своем роде относителен. Применение процедуры остракизма, как известно, не дает весомого основания утверждать, что Каллию было предъявлено официальное обвинение афинянами в мидизме как политической измене⁵⁵. С другой стороны, в глазах общественного мнения ношение Каллием персидской одежды могло быть достаточным основанием для возникновения подозрений в мидизме, хотя отсутствие существенных доказательств не способствовало возбуждению против него судебного преследования. Если дело обстояло таким образом, как мы предполагаем, то можно увидеть сходную ситуацию с первым судебным процессом против Павсания в Спарте, завершившимся его оправданием.

После побед в решающих сражениях Греко-персидских войн (равно это может относиться как к битве при Марафоне 490 г. до н.э., так и к битвам периода похода Ксеркса 480/79 г. до н.э.) греки попытались дать свое собственное, политически ангажированное, толкование мидизму как измене делу свободы и единения Эллады. Эти попытки, в свою очередь, привели, с одной стороны, к военно-политическим акциям, направленным на наказание полисов, обвиненных в мидизме, а с другой, к первым судебным процессам против отдельных лиц по подозрению в мидизме. В числе военно-политических акций, предпринятых в 490 г. до н.э., можно назвать побужденное афинянами вторжение спартанского царя Клеомена I на Эгину, под предлогом наказания местных персофилов (Herod. VI. 49–50, 73; Paus. III. 4. 3)⁵⁶.

Названная Геродотом клятва греков 481 г. до н.э. (τὸ ὄρκιον) включала в себя условие, что в случае успешного завершения войны, полисы, добровольно предавшиеся персидскому царю, должны будут посвятить десятину дельфийскому богу (τοῦτους δεκάτησον τῷ ἐν Δελφοῖσι θεῷ) (VII. 132). Требование десятины выглядит довольно мягким наказанием за «предательство», и поэтому вполне объяснимо стремление исследователей доказать, что десятин в данном случае выступает как часть добычи, собранной победителями после разрушения горо-

⁵⁴ См. Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. № 1. P. 71. Предположение в отношении личности Каллия, сына Кратия, и времени его изгнания остракизмом из Афин см. Суриков И.Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 103; *он же*. Из истории греческой аристократии... С. 71; *он же*. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 120.

⁵⁵ Об остракизме см. Суриков И.Е. Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи: Автореф. дис... д.и.н. М., 2004.

⁵⁶ Об этих событиях см. Andrewes A. Athens and Aegina 510–480 // *BSA*. 1936–1937. Vol. 37. P. 1–4; Helmbold W.C. Athens and Aegina // *CPh*. 1952. Vol. 47. P. 95–97; Leahy D.M. Aegina and the Peloponnesian League // *CPh*. 1954. Vol. 49. № 1. P. 232–243; Jeffery L.H. The Campaign between Athens and Aegina in the Years before Salamis (Herodotus VI 87–93) // *AJPh*. 1962. Vol. 83. № 1. P. 44–54; Hegyi D. Athens and Aegina on the Eve of the Battle of Marathon // *AAH*. 1969. P. 171–181; Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and Small Cities in Ancient Greece. Bruxelles, 1973. P. 23–30. Иногда в литературе видны сомнения в отношении обоснованности обвинений эгинцев в мидизме.

дов, обвиненных в мидизме⁵⁷. Собственной говоря, такой вывод следует из известного обычая посвящения десятины как части военных трофеев⁵⁸. Хотя Геродот упоминает примеры наказания персофилов после 479 г. до н.э., но ни один из них не говорит о том, что греки на практике стали следовать принесенной ими клятве. Среди примеров, отмеченных «отцом истории», т.е. эпизод о том, как Фемистокл во главе флота предпринимал осаду островов Эгеиды, намереваясь собрать с них деньги, но выставив предлогом их приверженность к персам – мидизм (Herod. VIII. 111–112; Timoc F.1 Page)⁵⁹, а Павсаний, победитель при Платеях, осадив Фивы, потребовал выдать Тимегенида и Аттагина, лидеров местных сторонников персов (IX. 86–88); наконец, спартанский царь Леотихид предпринял карательную экспедицию в Фессалию с целью наказать фессалийских Алеватов за их сотрудничество с персами, которая, однако, завершилась провалом (Леотихид был привлечен к суду эфорами по обвинению в подкупе и вынужден был даже бежать из Спарты) (Herod. VI. 72; Paus. III. 7. 8; Plut. De Herod. malign. 859d).

Однако информация, неожиданно предоставленная римским писателем Витрувием (I. 5) при объяснении происхождения Кариатид Эрехтейона, свидетельствует о жестоком наказании полиса, обвиненного в мидизме: «Карии, город в Пелопоннесе, вступил в соглашение с персидским врагом против Греции (Carya, civitas Peloponnensis, cum Persis hostibus contra Greciam consensit). Позднее греки в результате прославленной победы избавились от своей войны и сообща начали войну против кариатов (communi consilio Caryatibus bellum indixerunt). В результате, захватив крепость, убив мужчин и предав огню город (itaque oppido capto, viris interfectis, civitate deflagrata), они увели женщин в рабство...». И хотя современные исследователи, как правило, не принимают связь между наказанием Карий и Кариатидами, тем не менее они признают достоверным рассказ о судьбе этого пелопоннесского городка, территория которого позднее оказалась присоединенной к Тегее (Paus. VIII. 45. 1; Strabo. VIII. 3. 2)⁶⁰. Таким образом, можно предполагать, что в случае с Кариями, греки поступили так, как велела им клятва. Однако, участь этого города, по-видимому, не была типична. Последний раз вопрос о наказании за мидизм возник на совещании членов Дельфийской амфикистии в 478 г. до н.э. Тогда спартанцы предлагали исключить из этого священного греческого объединения те государства, которые не сражались против Персии. Однако их намерение встретило противодействие Фемистокла, который из-за возможного исключения фессалийцев, фиванцев и аргосцев опасался

⁵⁷ Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 273; она же. Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17–35. Едва ли можно согласиться с О.В. Кулишовой, что указание Диодора (XI. 3. 3) поддерживает вывод о посвящении десятины после разрушения городов, обвиненных в мидизме (комментарии к этому сообщению Диодора см. Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI, 1–10). Объединение патриотических сил эллинов и битва при Фермопилах. Перевод и комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 16–17).

⁵⁸ Десятину, например, греки посвятили в Дельфы и Олимпию с военной добычи после битвы при Платеях (Herod. IX. 81; ср. IG. I³. 1463 A1–B1 = FD. III. 2. 2; IG. I³. 1467).

⁵⁹ Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 41.

⁶⁰ Huxley. The Medism of Carya. P. 29–32; Vickers. Persepolis, Vitruvius... P. 5. Дж. Хаксли правомерно связывает упоминание Витрувием мидизма Карий со свидетельствами Геродота в отношении предательства аркадцев (VIII. 26; IX. 77).

укрепления влияния Спарты в амфикионии (Plut. Them. 20)⁶¹. Вероятно, лишь после этого наступило «примирение» греков с бывшими сторонниками Персии.

Теперь обратимся к случаям наказания за индивидуальный мидизм. Как известно, самые ранние примеры обвинений в предательстве можно обнаружить на афинском материале, и неопределимую помощь в этом оказывают остраки. На одном из них, поданном против Калликсена в 483 г. до н.э., имелась приписка *τροδοτης*, на другом – Аристид назван «братом Датиса» (*Δοτιδος αδελφον*), еще на нескольких – Каллий, сын Кратия, – «мидянином»⁶². И хотя не было сделано ни одной конкретной отсылки собственно к «мидизму», отмеченные выражения, очевидно, подразумевали, что некоторые афиняне действительно подозревались в измене в пользу Персии (однако их изгнание посредством остракизма исключало их судебное преследование). Много в научной литературе было написано о пресловутом «мидизме» Алкмеонидов, о персофильстве группировки «друзей тиранов»⁶³, нам лишь остается заметить, что в период Марафонской битвы и после нее фактически отсутствуют основания говорить о том, что мидизм мог использоваться в качестве официального обвинения. Тем более, что перед лицом персидской угрозы в 480 г. до н.э. афиняне принимают решение о досрочном возвращении всех подвергнувшихся остракизму (Arist. Athen. pol. 22. 7; Andoc. I. 77; ML. 23. 44).

Эпизод с Павсанием в изложении Фукидида демонстрирует первое официально сформулированное обвинение в мидизме, подкрепленное соответствующими доказательствами⁶⁴. Кроме этого, можно найти несколько подобных примеров, когда мидизм также звучал как официальное обвинение. Среди таковых можно назвать судебные процессы против Фемистокла и Анаксагора в Афинах, все относимые к периоду после отражения нашествия Ксеркса⁶⁵. Фемистокл, провед-

⁶¹ Кулишова. Дельфийский оракул... С. 292.

⁶² Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 183; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 129; он же. О функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 26.

⁶³ Различные мнения см. McGregor. The Pro-Persian Party at Athens... P. 71–95; Holladay. Medism in Athens... P. 174–191; Gillis D. Marathon and the Alcmeonids. P. 133–145; Kinzl K.H. Athens: between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer on the Occasion of his Eightieth Birthday / Ed. K.H. Kinzl. B.-N.Y., 1977. P. 210–214; Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 71–73, 173; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 124–125, 129; Владимирская. Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43–48.

⁶⁴ Можно согласиться с мнением Д. Графа, что в греческом праве (в том числе и в Спарте, где вообще не было писанного права!) обвинение в мидизме было разновидностью обвинения в *τροδοσία*; в Афинах, например, такое обвинение подпадало под действие νόμος εισαγγελτικός (Dem. XXIV. 144). См. Graf. Medism... P. 16. Not. 4 (со ссылками на литературу, посвященную процедуре *εισαγγελία*). Об исангелии см. также Никитюк Е.В. Процедура судебного преследования по γραφή ἄσεβειας в классических Афинах // Проблемы античной истории... С. 142–144.

⁶⁵ О последних годах жизни Фемистокла см. Суриков И.Е. Фемистокл: Homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 361–364; кроме этой статьи см. также Forrest W.G. Themistocles and Argos // CQ. 1961. Vol. 10. № 1. P. 221–241; O'Neil G.L. The Exile of Themistocles and Democracy in the Peloponnese // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 335–346; Podlecki A.J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975. P. 131 ff.; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 118 ff. Из недавних работ см. Behmel A. Themistokles, Sieger von Salamis und Herr von Magnesia. Die Anfänge der athenischen Klassik zwischen Marathon und Salamis. Stuttgart, 1999.

ший последние годы своей жизни в качестве изгнанника в Малой Азии, изучил персидский язык, носил персидское одеяние, согласился следовать персидским традициям, даже исполнять проскинесис (Thuc. I. 138.1; Plut. Them. 27–29). В отношении состава обвинения в мидизме Фемистокла Фукидид не сообщает ничего определенного, замечая только, что оно было сформулировано спартанцами в ходе расследования «дела Павсания» и возбуждено в Афинах уже после изгнания афинского политика посредством остракизма (Thuc. I. 135. 2–3). Другие авторы фактически ничего не прибавляют к отмеченным сведениям (о «мидизме» Фемистокла см. также Arist. Ath. pol. 25. 3; Dem. XXIII. 205; Plut. Them. 21. 7). Во всяком случае, определенно, что обвинение было выдвинуто еще до прибытия Фемистокла ко двору персидского царя, когда современники получили основание говорить о конкретном проявлении измены афинского политика в пользу Персии (Thuc. I. 138. 2). Плутарх сообщает об изгнании лирического поэта Тимокреонта, родом из родосского Иалиса, осужденного за мидизм, по обвинению, выдвинутому Фемистоклом – ἐπὶ μιδισμῷ φυγεῖν συγκαταψηφισαμένου τοῦ Θεμιστοκλέους (Plut. Them. 21)⁶⁶. В ответ на осуждение за мидизм самого Фемистокла поэт сочинил эпиграмму, гласившую: «Видно, не только Тимокреонт / Другом верным мидянам был / Есть другие – не лучше его / Нет, не один я лисою стал / Лисы есть похитрей меня» (Тимосг. F. 3 Page, пер. С.И. Соболевского). Определенно, что все эти и другие судебные процессы по обвинению в измене, связанные с мидизмом, должны были фактически прекратиться уже вскоре после заключения афинянами Каллиева мира с Персией в 449 г. до н.э., и с этого момента в восприятии греками мидизма должны были произойти изменения: терминология мидизма становилась реликтом прошлого⁶⁷. Бегство Анаксагора из Афин, приговоренного к смерти по предложению Фукидида, сына Мелесия, политического противника Перикла, по мнению исследователей, было последним известным случаем обвинения, включавшего мидизм, и это событие обычно датируют 440 гг. до н.э. (Diog. Laert. II. 12)⁶⁸.

Итак, на основе рассмотрения представлений греков о мидизме можно прийти к следующим основным выводам. Прежде всего, мидизм в понимании греков означал в широком смысле сотрудничество с Персией. Правда, само понятие мидизма определенно видоизменяло свое содержание в различные исторические периоды, причем в большей степени под влиянием двух событий: Греко-персидских войн и дипломатического сближения греков с Персией в период Пелопоннесской войны. Первое событие привело к негативной оценке греками мидизма как явления; второе, напротив, способствовало фактическому ограничению случаев употребления терминологии мидизма.

Как можно полагать, мидизм мог применяться для обозначения разнообразных явлений греко-персидского взаимодействия, осуществляемых на уровне ин-

⁶⁶ О мидизме Тимокреонта: Горлов Ю.В. Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996. С. 93.

⁶⁷ Примечательно, что термин «мидизм» не использовался по вполне понятным причинам по отношению к грекам, которые были тесно связаны с Персией в конце V–IV в. до н.э. Алкивиад и Конон, побывавшие при дворе царя и сатрапов, были с помпой приняты у себя на родине в Афинах. Об их связях с персами см. Mitchell L.G. Greek Bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC. Camb., 1997. P. 111–133.

⁶⁸ Подробнее см. Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 122 слл.

дивидуумов или всего коллектива граждан (если речь идет о мидизме полисов). В деле коллективного (полисного) мидизма важным была персофильская позиция греческих государств по отношению к Персии, проявлявшаяся по различным случаям, от простого изъявления покорности греков (предоставление «земли и воды» с последующей даннической зависимостью) и до открытого участия на стороне персов в военных действиях против греков. В случае же индивидуально-го мидизма первостепенное значение для определения этого понятия играли личные связи (союзы гостеприимства), установленные отдельными греками с персами или агитация сторонниками персов сограждан своего государства в пользу Персии.

Отношение греческих авторов к феномену мидизма определяло их оценку причин этого явления. Так, например, Геродот склонен оправдывать мидизм, неоднократно заявляя, что многие греки вступили на путь сотрудничества с Персией по необходимости, из страха перед персидским могуществом. Предателями, следовательно, могли считаться только те греки, которые перешли на сторону Персии добровольно. Но даже при оценках мидизма как измены «отец истории» руководствовался представлениями своего времени, которые побуждали его занять оправдательную позицию по отношению к афинским Алкмеонидам или, например, аргосцам, обвинять в мидизме фессалийцев исключительно политическую элиту, и, напротив, представлять фиванцев последовательными сторонниками Персии.

Что касается представлений о мидизме как социокультурном явлении, то текст самого Геродота не показывает подобное восприятие мидизма автором. Однако на основании прочих данных, в частности предоставленных Фукидидом, можно предполагать, что восприятие персидского образа жизни (причем исключительно в случае с той или иной личностью) могло способствовать возникновению подозрения в мидизме, но само по себе едва ли могло быть достаточным для непосредственного обвинения в мидизме.

Наконец, данные выводы усиливает наблюдение, что феномен мидизма возник и развивался на фоне греко-персидского антагонизма V в. до н.э., однако по мере укрепления дипломатических отношений греков с Персией в конце V–IV в. до н.э. термин «мидизм» стал выходить из употребления (изредка к нему обращались при отсылках к событиям Греко-персидских войн) и ему не было предложено фактически никакой замены.

THE PHENOMENON OF MEDISM IN THE POLITICAL LIFE OF CLASSICAL GREECE

E. V. Rung

The article is devoted to the study of the phenomenon of medism. The terms «medismos» and «medizein» were used by the Greek authors to designate collaboration with the Persians. The greatest part of references to medism occur in Herodotus' *History*, which may be considered as the main source for our understanding of the phenomenon. Thucydides mentions medism only four times, other Greek writers mention it occasionally when treating the Persian wars. An analysis of the contexts in which Greek authors used the term «medism» leads the author to the following conclusions.

One may make a distinction between the medism of Greek states or ethnic groups and individual medism of some prominent persons. Herodotus, for the greatest part, mentions state medism (of Aegina, Thessaly, Thebes and other Boeotians) and gives full explanation only to these cases. Medism had been caused by three main reasons: a) great fear of Persian invasion;

b) the «medization» of Greek political elite; c) traditional rivalry of various Greek states and ethnic groups, which prevented them from uniting against the Persian enemies. Herodotus rarely comments on individual medism (the Aleuadai, Attagines and Timegenides etc.) and never mentions its reasons.

Medism and treason (*prodosia*) are not directly interrelated. The terminology of medism was applied to medizing states and peoples who sided with the Persians under the pressure of military threat, but only those of them which collaborated with the enemy deliberately may be considered as traitors.

The author of the article considers as well the possibility of applying the definition of medism to the Greek attitude towards Persian dress and customs. It may be concluded that the Greek perception of Persian *mores* could only put somebody under suspicion of medism, but it was not sufficient for an official accusation of medism as of a crime (treason).

In general, the phenomenon of medism reflects the development of Greco-Persian antagonism; it came to its end after Callias' peace treaty of 449 BC, and the Spartan-Persian treaties of the Peloponnesian War opened the era of diplomatic involvement of Persia in the Greek affairs.